

языках : в 2 т. – Т. 2 : П–Я / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 308 с.

3. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–68.

Abstract. The article discusses an approach to the phraseological picture of the world through activity and cognitive analysis. In each specific language, a special national picture is recorded, including the phraseological picture of the world, since phraseology is the soul of every language. The linguistic personality constructs statements in accordance with this picture. Calling the phraseological picture of the world “naïve”, we do not detract from its value.

Keywords: linguistic picture of the world, phraseological picture of the world, cognitive analysis, activity approach.

УДК 811.16-13'373:572

В. М. Мокиенко

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В СЛАВЯНСКОЙ СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена аксиологической характеристике восточнославянской соматической фразеологии и паремиологии. Названия частей человеческого тела образуют активную составную часть фразеологической и паремиологической систем разных языков. Автор рассматривает классификацию фразеологических соматизмов на натуральные и конвенциональные (Ст. Скорупка) и демонстрирует ее отношение к оппозиции «универсальное» – «национально специфическое». Приводятся примеры, подтверждающие актуальность этой оппозиции и в некоторых случаях релятивизирующие ее.

Ключевые слова: аксиология, фразеология, паремиология, натуральная и конвенциональная фразеология, паремиологические универсалии, национальная специфика фразеологии.

Соматическая фразеология – один из постоянных и неизменно востребованных объектов лингвистического и лингвокультурологического исследования. Ее мифологическая и этнографическая «заряженность» требует, естественно, детализированного экстралингвистического анализа. И не случайно, что именно в Беларуси недавно опубликована фундаментальная этнокультурологическая монография на эту тему с «говорящим» названием «Цела чалавека: слова, міф, рытуал» [1]. Интерес гуманитариев к соматизмам понятен: ведь с одной стороны, они сущностно связаны со всем человеческим бытием и духовной жизнью, с другой же – они дают неисчерпаемые ресурсы новых номинаций и коннотаций. Этот момент лапидарно и точно подчеркивает автор другой – уже собственно лингвистической (resp. фразеологической) монографии на нашу тему: «Человеческое тело сосредоточивает в себе две могучие силы: природу и культуру. Обе они находятся в непрерывном действии становления себя и воздействия друг на друга, создавая пространство для тела, определяющего его форму» [2, с. 33]. Природа и культура, закодированные языковой формой, отражаются во фразеологической и паремиологической подсистемах во всем разнообразии – особенно в разнообразии оценок всего телесного в бытии человека. Это разнообразие во фразеологических и паремиологических единицах, с одной стороны, консервативно, ибо в силу кумулятивной функции паремий сохраняет многие «культурные реминисценции» прошлого – как слепки материальной культуры, так и следы уже изжившего себя мифологического и ритуального сознания. С другой стороны, в силу постоянной изменчивости языковой системы, и соматизмы, несмотря на их экзистенциальную универсальность, все-таки обнаруживают способность к изменчивости во времени, актуализируясь вместе с соци-

альными коловращениями. Не случайно одна из значимых для славянской фразеологии монография красноречиво названа «Dynamika súčasnej slovenskej frazeologie fond somatických frazém» [3]. Именно динамика соматизмов славянских языков в составе фразеологии и паремиологии во многом определяет развитие их национальных фондов от праславянского единства к современному славянскому многообразию.

И здесь – очередной парадокс функционирования и развития фразеологической и паремиологической системы. Компонентный ее состав, т. е. набор основных соматизмов, практически не претерпел количественных изменений. Качественные, семантические «подвижки», конечно же, коснулись и этой лексики, но они не столь значительны, чтобы привести к полному отрыву от ядерной группы телесных наименований. Сравн. рус. *рот* и чеш. *ret* ‘губа’, рус. *губа* и чеш. (прост.) *huba* ‘рот’, рус. *уста* и макед. *усна* ‘губа’ и под. Такие смысловые «нюансы» объяснимы родством славянских языков и создают платформу для так называемых «ложных друзей переводчика». Различия же в сфере фразеологических и паремиологических соматизмов гораздо более многогранны. Причина этому – прежде всего в различном аксиологическом членении таких языковых единиц, влияния на их динамику как собственно национальных факторов, так и иноязычного окружения.

Аксиологические параметры здесь также амбивалентны. Ведь с точки зрения физиологии все части тела человека равны, ибо каждая из них выполняет полезную для всего организма функцию. Но аксиологическая ось, как правило, делит соответствующие наименования на «важные» и «неважные», «приличные» и «неприличные», «чистые» и «нечистые». Так, «жаночы “ніз”» в традиционной культуре белорусов (как, впрочем, и других славян) является, с одной стороны, сакральным в связи со своей детородной функцией, с другой – уходит в сферу табу и образует целую цепь скатологических коннотаций, аксиология которых в основном негативна [4]. Собственно, и «мужской низ» развивает не менее мощные аксиологические потенции, становясь одним из активных генераторов славянской бранной лексики и фразеологии [5]. При этом в каждом языке набор такого рода паремий различен, ибо с праславянского периода его динамика была подвержена многообразным влияниям внутриязыковых и экстралингвистических факторов. Так, при сопоставлении русской и польской соматической фразеологии с бранной семантикой обнаруживается определенная асимметрия, имеющая системный характер: напр., ругательства польского языка типа *Bodaj cię zła krew zalała! Niech cię (go, ich itp.) nagła krew zaleje! Żeby cię nagła krew zalała!, Psia krew!* и под. являются фразеологической лакуной в русском языке [2, с. 150].

Проблема аксиологической насыщенности и коннотативного многообразия соматической фразеологии и паремиологии связана с другой, пожалуй, еще более общей лингвистической проблемой, к которой на конференциях в Гомеле исследователи не раз возвращались – проблемой паремиологической универсальности и специфичности. Ей посвящена и коллективная монография «Национальное и интернациональное в славянской фразеологии», изданная нами по материалам XV Международного съезда славистов в Минске [6]. Для решения этой проблемы соматическая фразеология и паремиология является, можно сказать, «судьбоносным» материалом. Ведь сама номинативная универсальность соматизмов как будто имплицитно представляет и об их универсальности и в составе паремий.

Именно в таком ключе польским фразеологом Ст. Скорупкой в докладе на IV-м Международном съезде славистов в Москве в 1958 году [7, с. 124–155] была предложена теоретическая дифференциация фразеологии на **конвенциональную** и **натуральную**. Какие представления во фразеологии разных языков имеют яркую национальную окраску, а какие остаются универсальными – вот главный вопрос, на который пытались и пытаются ответить фразеологи. Разграничение фразеологизмов на конвенциональные и натуральные было разграничением диахроническим, ориентированным на их «генезис». «Фразеологические сочетания, которые я называю **натуральными**, – писал он, –

часто являются общими для многих языков, возникают независимо друг от друга, поскольку имеют общую основу в явлениях природы, в наблюдениях человека над природой, ее проявлениями и жизнью, в общих физических и психологических видах деятельности человека, в общих условиях развития. Фразеологические же сочетания, которые я называю **конвенциональными**, отражают специфические условия развития данного народа: его занятия, условия существования, обычаи, религиозные и культурные различия, – словом, развитие материальной и духовной культуры человека» [8, с. 123]. Этот тезис был проиллюстрирован обильным количеством примеров из разных языков – как славянских, так и неславянских. Такие примеры также даются им с диахронической направленностью, ибо «*tertium comparationis*» разграничения является их внутренняя форма. Вот почему классификация фразеологизмов Ст. Скорупки достаточно прямолинейно переросла в классификацию их опорных компонентов. При этом к **натуральным** фразеологизмам исследователь относит в основном выражения и обороты, построенные на аналогиях с названиями частей человеческого тела, его внутренних органов, его деятельности и чувств. Соматизмы, географические и метеорологические термины, анимализмы – вот основной набор компонентов, который описывается им в разделе о **натуральной фразеологии**.

Методологическую эффективность разграничения, предложенного Ст. Скорупкой, в последнее время доказывают многие фразеологи-слависты. Важно теперь прагматически оценить массив русской натуральной и конвенциональной фразеологии с точки зрения ее лингвистической обоснованности и объективности. Основным концептуальным *raison d'être* разграничения «натуральности» и «конвенциональности» является здесь именно оппозиция «**универсальность – индивидуальность**». Было бы заманчиво выявить для каждого отдельно взятого языка набор пословиц и поговорок, относящихся либо к первой, либо ко второй части этой оппозиции. Сделать это можно лишь на основе конкретного анализа фразеологии и паремиологии отдельных групп. Соматическая фразеология в этом отношении – благодатное поле исследования, ибо, как выше подчеркивалось, человеческое тело хотя универсально (что делает причисление соответствующих фразеологизмов и паремий к «натуральным» оправданным), но в то же время в процессе культурно-исторических «переживаний» обрастает национально-специфическими, мифологическими, акциональными и др. коннотациями, демонстрируя их различную аксиологическую градацию в разных языках.

В процессе фразеологического образования соматическая лексика, наряду с зоонимами, фитонимами, колоративами, числительными, терминами родства и др., является одной из приоритетных для использования. Это объясняется универсальными для всех языков понятиями, в отличие, например, от этнолингвомаркёров – компонентов фразеологизмов и паремий (имен собственных, названий артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа, этнонимов), отражающих национальное своеобразие, «культурную память» и зачастую не имеющих прямых аналогов в другом языке, «благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [8, с. 105–107].

Аксиологический анализ соматической фразеологии и паремиологии можно вести по двум направлениям – горизонтальному и вертикальному. Горизонтальный предполагает исследование максимально полного набора паремий, «нанизанных» на тот или иной стержневой соматический компонент. В таком направлении в основном и ведется анализ соматизмов разных языков [9; 10; 11; 12; 13 и др.]. Масштабность исследуемой таким образом фразеологии и паремиологии может быть весьма внушительной. Так, А. Р. Попова, проанализировав полисемант *рука* на широком пространстве русского языка, включая и его периферию, сделала его объектом специального словаря [14], что позволило выявить влияние отдельной фразеологической единицы на систему языка в целом. В близком ключе исследуются русские фразеологизмы (включая диалектные) Н. А. Власовой [15]. При таком подходе детализированно градуируется квота оценоч-

ности каждой паремии в синхронной плоскости, но остается открытым вопрос о распределении таких единиц на оси «универсальное» – «национально специфичное».

Вертикальный подход, менее используемый при анализе соматической фразеологии и паремиологии, предполагает детализированный диахронический и сопоставительный анализ одного фразеологизма со всеми его вариантами на диалектном и межъязыковом пространстве с целью реконструкции его внутренней формы. Таков, например, анализ фразеологических европеизмов: рус. *делать ноги*, укр. *робити ноги* ‘быстро убежать’, чеш. *dělat nohy komu* ‘держат кого-л. в напряжении, принуждая к бегству’, нем. *j-n Bein machen* ‘заставлять кого-л. убежать’ и др. [16]. Раскрытию такой информации посвящены историко-этимологические словари фразеологии, включающие и экскурсы в ее историю. Разумеется, нацеленность на диахронический анализ диктует и количество, и качество отбора соматизмов в таких словарях.

Показательна в этом отношении фразеология и паремиология с компонентами *Голова* и *Нога*. Ведь они по номинативной оси покрывают «зону телесности» человека сверху донизу (или снизу доверху) и уже потому относятся и к языковым универсалиям. В нашем «Историко-этимологическом словаре русской фразеологии» [17] представлено 48 ФЕ с компонентом *голова* [17, с. 145–150] и 36 – с компонентом *нога* [17, с. 472–476]:

ГОЛОВА • *бедовая голова, голова в голову, деревянная голова, дубовая голова, дырявая голова, еловая голова, забубённая голова, садовая голова, сам себе голова, свежая голова, светлая голова, умная голова, о двух головах кто, засточертело в голове, к голове что, биться (колотиться) головой об стенку, выдавать / выдать головой кого, выдавать / выдать [себя] с головой, качать / покачать головой, кивать / покивать (закивать) головой [на что], отвечать / ответить головой за кого, что, перед головой, приходит / прийти с повинной [головой], уходить / уйти с головой во что, вбивать / вбить в голову кому что, вешать / свесить (повесить, понурить, опустить) голову, давать / дать голову на отсечение, класть / положить голову за кого, что, ломать голову, мылить / намылить (мыть / помыть устар.) голову кому, на голову, на голову (наголову) побить неприятеля, на свою голову [сделать что], где голову (головы) приклонить, очертя голову [бежать, лететь, нестись, бросаться куда], посыпать / посыпать голову пеплом, преклонить (приклонить) голову где, куда, складывать / сложить (класть, положить) голову, сломя голову [бежать, нестись, бросаться и т. п. куда], снявши голову, по волосам не плачут (не тужат), схватываться / схватиться за голову, терять / потерять голову, говорящие головы, с головы до пят (до ног), с ног до головы. целиком, полностью, ставить / поставить с ног на голову что, сваливать / свалить с больной головы на здоровую.*

НОГА • *без задних ног [спать], падам до ног, сбиваться / сбиться с ног, с ног до головы, со всех ног (бежать), ставить / поставить с ног на голову что; одна нога здесь, другая там, чего моя [левая] нога хочет, вертеться под ногами, весёлыми ногами [идти], выносить / вынести вперёд ногами, голосовать / проголосовать ногами, В ногах правды нет; стоять на собственных ногах, на дружеской ноге [быть] с кем, жить на широкую ногу, на короткой ноге [быть] с кем, встать с левой (не с той) ноги, делать / сделать ноги, кланяться / поклониться в ноги, [брать / взять] ноги в руки, ноги [больше] не будет чьей где, ноги протянуть, ставить / поставить на ноги, хромать на обе ноги (на оба колена), чтобы (чтоб) ноги не было чьей где, не левой ногой сморкается, стоять одной ногой в могиле, жить на широкую (большую) ногу (на большой ноге), идти [нога] в ногу с кем, с чем, на приличную ногу, [не дам, не позволю себе] на ногу наступить, не знать, на какую ногу ступить, не идти в ногу с кем, подставлять / подставить ногу кому, шагать не в ногу.*

Какие же из них относятся к славянским и – шире – общеевропейским универсалиям, а какие маркированы национальной спецификой?

Известный лимит моего Предисловия не позволяет представить классификацию всех таких выражений по избранному критерию. Но в общем можно заметить, что соответствие универсальных и национально специфических фразеологизмов является достаточно сбалансированным. Таковы фразеологизмы второго типа с компонентом **голова**: *бедовая голова, забубённая голова, садовая голова, свежая голова, о двух головах кто, засточертело в голове, выдавать / выдать головой кого, очертя голову* и др. К первому же типу – с различной межъязыковой «дальнобойностью» относятся выражения *качать головой, вбивать в голову кому что, вешать голову, мылить голову кому, терять голову, Снявши голову, по волосам не тужат* и др.

Примерно такое же соответствие обнаруживается и для фразеологизмов с компонентом **нога**: к национально маркированным относятся выражения *без задних ног [спать], сбиваться с ног, чего моя [левая] нога хочет, весёлыми ногами [идти], голосовать / проголосовать ногами, идти [нога] в ногу с кем, с чем; В ногах правды нет.* К универсальным – *ставить с ног на голову что, одна нога здесь, другая там; вертеться под ногами, на дружеской ноге [быть] с кем, встать с левой ноги, [брать / взять] ноги в руки, хромать на обе ноги* и др.

Соматизмы *голова* и *нога* образуют номинативный симбиоз, объединяющий два противоположных «полюса» человеческого тела. Аксиологически при этом, судя по коннотативному потенциалу соответствующих лексем, *голова* как вместилище интеллекта оценивается выше, чем *нога*, номинирующая лишь двигательный аппарат человека. Такой различной оценке способствует и вышеозначенная глобальная семиотическая оппозиция «Верх – Низ». Во фразеологии и паремиологии с соматическими компонентами в целом эта аксиологическая дихотомия также находит свое отражение. «Вряд ли можно ставить под сомнение то, что в любом провербиальном фонде мы найдем паремии, в которых ум, благоразумие, просвещенность получают высокую оценку, а глупость, безрассудство и невежество подлежат осуждению, – замечает Е. В. Ничипорчик, – нет сомнений и в том, что в любом из провербиальных фондов каждый из названных феноменов может осмысляться как в положительной, так и в отрицательной своей значимости» [18, с. 217]. И действительно: в силу своей категориальной экспрессивности паремиологии оценки здесь могут либо нейтрализоваться, либо смещаться своими полюсами. Так, возможны «перемены мест слагаемых» и во ФЕ, объединивших в своем составе оба эти компонента: *с головы до ног (до пят) и с ног до головы, ставить / по-ставить с ног на голову что* и под.

Любопытный аксиологический вектор представляет собой пословичный «тандем», объединивший эти лексемы в своем составе и уточнивший их аксиологической характеристикой «глупый», «дурной». Он эксплицирован в русской пословице *Дурная голова ногам покою не дает*, пренебрежительно характеризующей глупого, хлопотливого и непоседливого человека, который много бегаёт и напрасно суетится, вместо того чтобы подумать о целесообразности своих действий.

В восточнославянском паремиологическом пространстве эта пословица известна во многих вариантах [см. 19; 20; 21]:

Рус.: *Бестолковая голова ногам покою (спокою) не даёт; Дурная голова ногам покою (спокою) не даёт; Дурная голова ноги мучит; При дурной голове ноги болят; За дурной головой и ногам [в] непокой; За дурной головой и ногам непокой; За дурной головой – ногам работа; За дурной головы ногам покою нет; От глупой головы (голове) ногам уморно; От дурацкой головы и ногам тяжело.*

Бел.: *Дурная галава нагам спакою не дае; За дурною галавою нагам бяда; За дурною галавою нагам не балазе; Праз дурную галаву і нагам гора; За дурною галавою нагам няма пакою; За дурной галавой нагам непакой; За дурной галавой спіна балиць, нагам непакой; Вінавата галава, куда ногі вяла; Калі галава дурная, то і напала ліха.*

Укр.: *За дурною головою да й ногам лихо; За дурною головою ногам горе; За дурною головою, то і ногам біда; За дурною головою, то нема ногам спокою; За дурною головою і ногам нема спокою; За дурною головою нема ногам супокою.*

Фиксация этой пословицы в диалектной речи восточных славян свидетельствует о ее исконности. Но является ли это доказательством их национальной специфики и свидетельством того, что симбиоз соматизмов *Голова – Нога* для этих языков уникален?

Сопоставительный анализ показывает, что такой симбиоз универсален, как универсальна и та аксиологическая ось, на которой эти соматизмы расположены.

В славянских языках пословица известна в разных вариантах [22, с. 40]: болг. *Който го няма в главата, трябва да го има в краката; Който е слаб в главата, трябва да е здрав в краката*; пол. *Kto nie ma w głowie, ten ma w nogach*; серб. *Тешко ногама под лудом главом; Ко нема у глави, има у ногама*; словацк. *Kto nemá v hlave, má v päťach; Kto nemá v hlave, musí mať v päťach*; чеш. *Co není v hlavě, musí být v nohou*. Здесь же приводится и английская параллель, имеющая несколько иную структуру и образность, но – тот же смысл, соединяющий голову и ноги: *My head will never save my feet*.

Европейский ареал этой пословицы нетрудно расширить, обратившись к многоязычным словарям [напр.: 23, с. 380–381; 24, с. 220–222 и др.]: англ. *Who has not an understanding (memory) let him have legs; Little wit in the head makes much work for the heel (feet)*; нем. *Was man nicht im Kopfe hat, muß man in den Beinen haben*; фр. *Quand on n'a pas bonne tête, il faut avoir bonnes jambes*; итал. *Chi non ha testa, abbia gambe*; лит. *Aži durnos galvos ir kojoms atilsio neturi*; латыш. *Saur gīpu galvu kōjom namīrs* и др. Сравн. лат. *Pedibus compensanda memoria est*. Этот ареал расширяется и за пределы многих других языков – как индоевропейских, так и неиндоевропейских: албанского, баскского, венгерского, вепсского, вотякского, голландского, греческого, датского, зырянского, испанского, карельского, каталонского, норвежского, румынского, словенского, финского, фризского, шведского, эстонского... Находят его и в арабском и турецком языках [25, с. 280–282]. Конечно, полного тождества образа и структуры в таких пословицах нет, но доминантная структурно-семантическая модель обеспечивает их сходство. Что за ним кроется – общая генетика или универсальность, свойственная «натуральной» фразеологии и паремиологии?

Скорее всего – второе, ибо при стабильности символического симбиоза соматизмов *Голова – Нога* детализированный анализ вскрывает в них и определенные различительные нюансы в структуре и образной репрезентации этих пословиц. Например, нельзя не назвать национально специфичной яркую белорусскую пословицу, приведенную Е. В. Ничипорчик в ее фундаментальной монографии – *Галава добрая, ды на дурныя плечы наладжана* [19, с. 202].

Несомненно, на универсальный симбиоз влияют и общие международные культурно-исторические «переживания» и влияния. Так, упомянутый фразеологизм *с головы до ног (с ног до головы)* вызывает ассоциации с библейскими текстами, напр.: «Поразит тебя Господь злою проказою на коленях и голених, от которой ты не можешь исцелиться, *от подошвы ноги твоей до самого темени головы твоей*» (Второзак. 28, 35); «*От подошвы ноги до темени головы* нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и не смягченные елеем». (Исаия. 1, 6) и др. Употребляется оно и в произведениях теологов, напр., *a pedibus usque ad caput* – «с ног до головы» (Hieronym. Augustin. Ambros). Но подобные выражения известны в древнегреческих текстах – у Аристофана, Теокрита, Гомера. Сравн., напр., у Гомера: Ἐκ κεφαλῆς εἰς πόδας ἄκρους. (Hom. II. 16, 640; 18, 353). Историки фразеологии приводят массу близких оборотов и из латинских текстов (Плавт, Петроний), где выражения *a capillis usque ad unguis* (букв. от волос на голове до ногтей) и *a capite usque ad calcem* (букв. от головы до обуви) [26, с. 769–779]. Не случайно оборот известен многим европейским языкам, напр., англ. *from head to foot, from head to toe, from top to toe, from face to foot*; нем. *von Kopf bis Fuß*, фр. *de la tête aux pieds*; белор. *ад галавы да пятак*, укр.

З (від) голови до ніг (до п'ят), з (від) ніг до голови; пол. *od stóp do głów, x/c od glave do pete* и др. Тем самым и этот соматический «дуэт» возвращается в лоно древнего семиотического «единства противоположностей» «Верх» – «Низ».

Как видим, распределение фразеологии и паремиологии на «натуральную» и «конвенциональную», предложенное более века назад Ст. Скорупкой, и ныне сохраняет свою актуальность. Однако современные исследователи, раскрывая функциональные, аксиологические и лингвокультурологические потенции этих языковых единиц, обнаруживают при этом и относительность такого разграничения, переходность границ от универсального к национальному и наоборот. Для анализа соматической паремиологии, тем не менее, неизбежным остается симбиоз соотношения «Верха» и «Низа». Он проходит красной нитью через все варианты мутации пословиц и поговорок, образованных соматизмами *Голова* и *Нога*. Проходит, тонко градуируя их конкретные аксиологические характеристики.

Список использованных источников

1. Валодзіна, Т. В. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. В. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.
2. Mirosława, Hordy. Frazeologia somatyczna współczesnego języka rosyjskiego i polskiego / Hordy Mirosława. – Szczecin, 2010. – 219 s.
3. Baláková, Dana. Dynamika súčasnej slovenskej frazeologie fond somatických frazém / Dana Baláková. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Univ., 2011. – 315 s.
4. Валодзіна, Таццяна. Жаночы «ніз» у традыцыйнай культуры беларусаў / Таццяна Валодзіна // Terra alba. Т. 2. Homo veneris: Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С. І. Даніленкі; Магілёўс. т-ва гуманіт. інтэлектуал. і культур. ініцыятыў «Брама». – Мінск : «Экаперспектыва», 2001. – С. 30–44.
5. Мокиенко, В. М. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 384 с.
6. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : коллектив. монография по материалам XV Междунар. съезда славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.) / отв. ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Greifswald, 2013. – 276 с.
7. Skorupka, St. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza / St. Skorupka // Славянская филология. – Т. 3. – М., 1958. – С. 124–155.
8. Ломакина, О. В. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Славянская микрофилология / под ред. А. Д. Дуличенко и Мотоки Номати. – Slavic-Eurasian research center. – Hokkaido University, Sapporo. Vene ja slaavi filologia osakond (=Slavica Tartuensia XI / Slavic Eurasian Studies No. 34). – Tartu Ülikool, Tartu, 2018. – С. 103–128.
9. Городецкая, И. Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках : дис. ... канд. филол. наук / И. Е. Городецкая. – Пятигорск, 2007. – 233 с.
10. Долгополов, Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Долгополов. – Казань, 1973. – 21 с.
11. Кравчик-Тырпа А. Соматическая фразеология в польских говорах: фразеология, отражающая специфику названий частей тела. – Вроцлав, 1987. – 274 с.
12. Русецкая, Йовита. Концептуализация культурных стереотипов *душа* и *тело* в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Йовита Русецкая. – М., 2012. – 23 с.
13. Тунси, Мохсен. Лингвострановедческий анализ русских соматических фразеологизмов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мохсен Тунси. – М., 1984. – 23 с.
14. Попова, А. Р. Словарь одного слова / А. Р. Попова. – Орел : ОО О ПФ «Оперативная полиграфия», 2009. – 356 с.
15. Власова, Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной *глаз* в общенародном языке и говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Власова. – Орел, 1997. – 26 с.

16. Мокиенко, В. М. Из истории европейской соматической фразеологии (*Kam s nohama?*) / В. М. Мокиенко // *Phraseologische Studien. Фразеологические исследования. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie. Динамические тенденции в славянской фразеологии.* Redaktion Dana Baláková und Harry Walter. – Greifswald, 2010. – С. 252–267.

17. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / под ред. проф. В. М. Мокиенко. – 4-е изд., стереотипн. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926. [2] с.

18. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

19. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева / под общей ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

20. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / складанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынבלата. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Т. 1. – 560 с.; Т. 2. – 616 с.

21. Прислів'я та приказки / упорядник М. М. Пазяк. – Т. 2. Людина. Родинне життя. Рисичарактеру. – Київ : «Наукова думка», 1990. – 524 с.

22. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.

23. Arthaber, A. Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica) / A. Arthaber. – Milano : Ulrico Hoepli Editore, 1989. – 822 s.

24. Grigas, K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis / K. Grigas. – Vilnius : Leydykla "Vaga", 1987. – 662 p.

25. Paczolay, Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / Gyula Paczolay. – Veszprem : Nyomda Rt., 1997. – 527 p.

26. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – Т. 1. – СПб., 1903. – 779 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Abstract. The article is devoted to the asiological characteristics of the East Slavic somatic phraseology and paremiology. The names of parts of the human body form an active component of the phraseological and paremiological systems of different languages. The author examines the classification of phraseological somatisms into natural and conventional (St. Skorupka) and demonstrates her attitude to the opposition "universal" – "nationally specific". Examples are given that confirm the relevance of this opposition and, in some cases, relativize it.

Keywords: axiology, phraseology, paremiology, natural and conventional phraseology, paremiological universals, national specificity of phraseology.

УДК 811.161.2'373:398.9

В. В. Мушинская, О. С. Сергиенко, М. Ю. Котова

ВЫБОР ПОСЛОВИЧНОГО ИНВАРИАНТА УКРАИНСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ В ЭССАВП

Аннотация. Настоящее исследование посвящено процессу выбора пословичного инварианта среди украинских параллелей русских пословиц, вошедших в «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц», над которым в настоящее время работает